

Святитель
ИОАНН ЗЛАТОУСТ

ТОВАРНИКЪ
НА МОЛИТВУ
«ОТЧЕ НАШ»

Святитель Иоанн Златоуст
Толкование на молитву Отче наш

«Сибирская Благовонница»

УДК 243
ББК 86.37-2

Златоуст С.

Толкование на молитву Отче наш / С. Златоуст — «Сибирская Благовонница»,

Важность и значимость молитвы «Отче наш» в духовной жизни любого христианина трудно переоценить. Она входит во все молитвенные правила, звучит на каждом богослужении: ведь ей научил нас Сам Бог, ставший Человеком, – Господь наш Иисус Христос. Прощения ее кажутся простыми и понятными даже ребенку, но, по словам митрополита Антония (Сурожского), молитва Господня – «не только молитва, она – целый путь духовной жизни». В этой брошюре вашему вниманию предлагается толкование молитвы «Отче наш» одного из величайших отцов Церкви – святителя Иоанна Златоуста.

УДК 243
ББК 86.37-2

© Златоуст С.
© Сибирская Благовонница

Святитель Иоанн Златоуст Толкование на молитву «Отче наш»

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС Р14-417-1571

Подлинное название: Беседы на разные места Священного Писания. Беседа 3, о жизни по Богу и на слова: *Тесны врата* и прочее (Мф. 7, 14), и изъяснение молитвы «Отче наш». Текст приводится с незначительными сокращениями.

Тесны врата, – говорит Господь, – *и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их*; и еще: *Широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими* (Мф. 7, 13–14). Часто слушая эти слова и взирая на заботы людей о предметах пустых, я весьма удивляюсь истине сказанного. Подлинно, все идут широким путем, все увлекаются настоящими предметами и нисколько не думают о будущих; непрестанно стремятся к телесным удовольствиям, а души свои оставляют истощаться голодом и, получая каждый день бесчисленное множество ран, нисколько не чувствуют бедственного состояния, в каком они находятся; в случае телесных болезней ходят к врачам и приглашают их к себе в дом, дают им весьма большие награды, показывают великое терпение и переносят болезненное врачевание, чтобы возвратить здоровье телу, а когда страдает душа, то совершенно не заботятся и не стараются возвратить ей возжеленное здоровье, хотя хорошо знают, что тело смертно и тленно и подобно весенним цветам, – потому что оно, подобно им, увядает, засыхает и предается тлению, – между тем как о душе знают, что она почтена бессмертием и сотворена по образу Божию и что ей вверены бразды управления этим животным (телом).

Подлинно, что возница для колесницы, или кормчий для корабля, или музыкант для музыкального орудия – тем же Создатель поставил душу для этого земного сосуда: она держит бразды, движет рулем, ударяет в струны, и когда делает это хорошо, то производит согласнейшие звуки добродетели, а когда или слишком ослабляет звуки, или напрягает их больше надлежащего, то нарушает и искусство, и благозвучие. Такою-то душой пренебрегают многие из людей, не устаивая ее даже и малейшего попечения, а все время своей жизни тратят на заботы о теле. Одни избирают жизнь мореплавателей – и борются с волнами и ветрами, нося с собою жизнь и смерть и полагая надежду спасения в немногих досках; другие предпринимают труды земледелия, запрягая рабочих волов и воздвигая землю, то сея семена и пожиная жатву, то насаждая растения и собирая с них плоды, и все время у них проходит в этих трудах; иные занимаются торговлей и для нее совершают путешествия по земле и морю, предпочитают чужую страну своей и, оставляя отечество, родных, друзей, жен и детей, для малых выгод ведут жизнь странническую. И нужно ли исчислять все занятия, которые люди изобрели для потребностей телесных, в которых проводя дни и ночи они стараются сохранить здоровье своего тела, а между тем душу, алчущую и жаждущую, иссохшую и загрязненную и подвергшуюся бесчисленному множеству зол, оставляют без внимания? Но после многих трудов и усилий

они и смертное тело не защищают от смерти, и бессмертную душу вместе со смертным телом подвергают вечным мучениям.

Поэтому, горько оплакивая объемлющее души людей невежество и покрывающую их густую мглу, я желал бы найти какое-нибудь возвышенное место, с которого мне можно было бы видеть весь род человеческий; желал бы иметь и голос, который оглашал бы все пределы и слышен был бы для всех живущих на земле, чтобы стать и зывать и провозгласить слова Давида: *Сыны мужей... доколе будете любить суету и искать лжи* (Пс. 4, 3), предпочитая

небесному земное, вечному – временное, бессмертному – тленное? Доколе вы будете закрывать глаза и заграждать уши и не слушать Божественного голоса, ежедневно вызывающего: *Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят* (Мф. 7, 7–8)? Но так как некоторые несовершенные, склонные более к предметам житейским и увлекающиеся плотскими помыслами, совершают молитвы ненадлежащим образом, то общий Владыка преподал нам наставление в молитве, когда сказал: *А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны* (Мф. 6, 7), называя излишним многоглаголанием речи, состоящие из множества слов, но не приносящие никакой пользы.

Запрещая многоглаголение, Господь внушает то, что молящиеся не должны просить скоропреходящего и погибающего: ни красоты телесной, которая увядает от времени, изглаживается от болезни, исчезает при смерти, потому что такова телесная красота: она – кратковременный цвет, ненадолго являющийся весной юности и скоро увядающий от времени, а если кто захочет исследовать самую сущность ее, то будет в состоянии тем более презирать ее, так как она есть не что иное, как влага, кровь, сок и жидкость съеденной пищи, через которую и глаза, и щеки, и нос, и брови, и уста, и все тело получают полноту, если же прекратится прилив этот, то совершенно исчезнет и благообразие лица; ни денежного богатства, которое, подобно речным водам, притекает и утекает, переходит то к одному, то к другому, убегает от тех, кто удерживает его, и не остается у тех, кто любит его, подвергается бесчисленному множеству бедствий от моли, от разбойников, от клеветников, от пожаров, от кораблекрушений, от нападения врагов, от восстаний народа, от злобы рабов, от потери записей, от приращений и уменьшений и от прочих зол, которые у любящих богатство происходят от любостяжания; ни почетной власти, которую также сопровождает множество скорбей, изнурительные заботы, частые бессонницы, козни завистников, враждебные замыслы ненавистников, красноречие риториков, благовидными словами утаивающее истину и подвергающее судей великой опасности. Есть, действительно есть многоглаголивые пустословы, которые просят у Всевышнего Бога таких и подобных предметов и нисколько не ценят благ истинных!

Врача не учат больные употреблению лекарств, а только принимают предлагаемое им, хотя бы и болезнен был способ врачевания; и кормчему мореплаватели не приказывают держать руль и направлять судно именно так, а не иначе, но, сидя на скамьях, они доверяют его знанию не только во время благоприятного плавания, но и тогда, когда подвергаются крайней опасности, – а одному Богу, Который точно знает, что можно дать нам с пользой, люди нездравомыслящие не хотят предать себя, но просят у Него вредного, как полезного, поступая подобно тому больному, который просит врача дать ему не то, что искореняет болезнь, а то, чем питается вещество, производящее болезнь. Врач же не слушается просьбы больного, а, хотя бы видел его плачущим и рыдающим, более следует закону своего искусства, нежели преклоняется на его слезы, и это непослушание мы называем не бесчеловечием – но человеколюбием, потому что, слушаясь больного и делая угодное ему, врач поступил бы с ним как враг, сопротивляясь же ему и не удовлетворяя желания, оказывает ему милость и человеколюбие. Так и Врач наших душ не станет давать просящим того, что будет во вред им.

И чадолюбивые отцы, когда малые дети просят ножа или горячих угольев, не соглашались дать им, потому что знают, как вредно дать им это. А некоторые из людей, впадших в

крайнее безумие, не только просят у Всевышнего Бога телесной красоты, богатства, власти и тому подобного, но восстают против своих врагов, умоляют послать им какое-нибудь наказание, и Того, Кого просят быть к самим себе милостивым и человеколюбивым, в отношении к врагам своим хотят сделать немилостивым и нечелолюбивым. Господь, желая предотвратить это, заповедует: *Не говорите лишнего* и внушает, что нужно говорить в молитве, в немногих словах научая всякой добродетели, потому что эти слова заключают в себе не только наставление к молитве, но и руководство к совершенной жизни. А какие это слова и какой смысл их, исследуем с великим тщанием и будем твердо хранить их, как законы Божии.

Отче наш, сущий на небесах! (Мф. 6, 9). О какое чрезмерное человеколюбие! О какая превосходная честь! Какое слово будет в состоянии воздать благодарность подающему нам такие блага? Посмотри, возлюбленный, на уничиженность твоей и моей природы, вникни в сродство ее, в эту землю, пыль, грязь, глину, пепел, потому что мы созданы из земли и опять наконец разлагаемся в землю. Представив это, подивись неисследимому богатству великой благодати Божией к нам, по которой заповедано тебе называть Его Отцом: земному – Небесного, смертному – Бессмертного, тленному – Нетленного, временному – Вечного, бывшему вчера и прежде грязью – существующего прежде веков Бога! Но не напрасно научен ты произносить это слово, а для того, чтобы, благоговея перед именем Отца, произносимым собственным языком твоим, ты подражал Его благодати, как и в другом месте говорится: будьте подобны Отцу вашему Небесному, *ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных* (Мф. 5, 45).

Поэтому не может называть Человеколюбивого Бога Отцом своим тот, кто имеет настроение души зверское и бесчеловечное, потому что он не хранит свойств благодати, какие есть у Небесного Отца, но изменился в зверский вид и лишился божественного достоинства, по словам Давида: *Человек, который в чести и неразумен, подобен животным, которые погибают* (Пс. 48, 21). В самом деле, когда кто нападает как вол, лягает как осел, злопамятствует как верблюд, насыщает чрево как медведь, похищает как волк, уязвляет как скорпион, хитрит как лисица, ржет на женщин как неистовый конь, то как может такой (человек) произносить слово, свойственное сыну, и называть Бога Отцом своим?

Чем же можно назвать такого человека? Зверем? Но звери страдают каким-нибудь одним из этих недостатков, а он, соединяя в себе все, стал бессмысленнее бессловесных. Да что говорю я – зверем? Такой человек свирепее всякого зверя! Те, будучи свирепыми по природе, при помощи человеческого искусства часто делаются кроткими, – а он, будучи человеком и имея способность изменять свирепость, свойственную зверям по природе, на кротость, не свойственную их природе, какое будет иметь оправдание, когда обращает свою природную кротость в свирепость, не свойственную своей природе, и, имея возможность делать свирепое по природе кротким, делает себя, кроткого по природе, свирепым, – когда, имея способность укрощать льва и делать его ручным, доводит свой гнев до свирепости большей, чем у льва? У этого зверя два неблагоприятных обстоятельства: и то, что он не имеет рассудка, и то, что он яростнее всех, однако при помощи данной от Бога мудрости и его зверская природа укрощается.

Тот, кто побеждает природу в зверях, в себе самом губит добро природы и воли; тот, кто делает льва как бы человеком, себе самому попускает сделаться из человека львом; сообщает льву то, что выше его природы, а в себе самом не сохраняет и свойственного природе. Как же такой человек может называть Бога Отцом? Следовательно, тот, кто кроток и человеколюбив к ближним и не мстит согрешающим против него, но воздает за обиды благодеяниями, безукоризненно может называть Бога Отцом. И вникни в точность выражения, как Он заповедует нам взаимную любовь и соединяет всех дружелюбным расположением! Он не повелел говорить: «Отче мой, сущий на небесах», но: *Отче наш, сущий на небесах*, – для того, чтобы, научившись иметь общего Отца, мы оказывали братское расположение друг другу.

Притом, желая научить, чтобы мы оставили землю и земное и не преклонялись вниз, а взяли крылья веры и, возлетев выше воздуха и поднявшись выше эфира, стремились к называемому Отцу, Он заповедал говорить: *Отче наш, сущий на небесах*, – не потому, чтобы Бог находился только на небесах, но чтобы нас, пресмыкающихся по земле, расположить к стремлению на небеса и, озарив красотой небесных благ, обратить туда все наши желания.

Далее Он прибавил второе изречение, сказав: *Да святится имя Твое* (Мф. 6, 9). Впрочем, пусть никто не имеет безрассудной мысли, будто Богу даруется прибавление святости словами *да святится имя Твое*: Он Свят, и Всесвят, и святейший святых. И Серафимы приносят ему такое песнопение, непрестанно взывая: *Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!* (Ис. 6, 3). Как те, которые приносят хвалы царям и называют их царями и самодержцами, не дают им то, чего они не имеют, но славословят то, что они имеют, – так и мы не сообщаем Богу святости, как бы не бывшей у Него, когда говорим: *Да святится имя Твое*, но прославляем находящуюся у Него, потому что *святится* здесь сказано вместо «да прославится». Итак, научимся этим словом вести жизнь добродетельную, чтобы люди, видя ее, прославляли Небесного Отца нашего, как и в другом месте Он говорит: *Так да светит свет ваши пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного* (Мф. 5, 16).

После этого мы научены говорить: *Да придет Царствие Твое* (Мф. 6, 10), потому что, претерпевая насилие от плотских страстей и подвергаясь бесчисленным искушениям, мы имеем нужду в Царстве Божием, *да не царствует грех в смертном вашем теле, чтобы вам повиноваться ему в похотях его; и не предавайте членов ваших греху в орудия неправды, но представьте себя Богу, как оживших из мертвых, и члены ваши Богу в орудия праведности* (Рим. 6, 12–13). Кроме того, мы научаемся не слишком прилепляться к настоящей жизни, но презирать настоящее и желать будущего, как постоянного, и искать Царства Небесного и вечного, а здешними приятностями не увлекаться: ни благообразием телесным, ни обилием богатства, ни множеством стяжаний, ни драгоценностью камней, ни великолепием домов, ни званиями градоправителей и военачальников, ни багрянницей и диадемой, ни яствами, сластями и всякого рода роскошью, ни чем-нибудь другим из предметов, услаждающих наши чувства, но, отказавшись от всего этого, непрестанно искать Царства Божия. Таким образом, научив нас и этой добродетели, Господь повелел говорить: *Да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе* (Мф. 6, 10).

Возбудив в нас любовь к будущему и желание Царства Небесного и пронзив нас этим желанием, Он заповедует говорить: *Да будет воля Твоя и на земле, как на небе*. «Дай нам, Господи, – говорит, – подражать жизни небесной, чтобы и мы желали того, чего желаешь Сам Ты; помоги нашей воле ослабевающей и хотя желающей исполнять дела Твои, но удерживаемой немощью плоти; прости руку стремящимся идти, но принуждаемым хромать; душа легка, но ее обременяет плоть: та быстро стремится к небесному, а эта тяготеет к земному, но при Твоей помощи и невозможное будет возможным, *да будет воля Твоя и на земле, как на небе!*»

Так как Он упомянул о земле, а существам, происшедшим из нее и живущим на ней и облеченным земным телом, нужна соответственная пища, то необходимо Он присовокупил: *Хлеб наш насущный дай нам на сей день* (Мф. 6, 11). Он повелел просить хлеба *насущного* — не для объедения, а для питания, восполняющего истраченное в теле и отклоняющего смерть от голода: не роскошных столов, не разнообразных яств, произведений поваров, изобретений хлебопек, вкусных вин и прочего, тому подобного, что услаждает язык, но обременяет желудок, помрачает ум, помогает телу восставать на душу и делает этого жеребенка непослушным вознице. Не этого просить научает нас заповедь, но *хлеба насущного*, то есть обращающегося в существо тела и могущего поддержать его. Притом и его заповедано нам просить не на великое число лет, а столько, сколько нужно нам на настоящий день.

Не заботьтесь, – сказал Господь, – *о завтрашнем дне* (Мф. 6, 34). И для чего заботиться о завтрашнем дне тому, кто, может быть, и не увидит завтрашнего дня, кто предпринимает труд, а не пожинает плода? Надеемся на Бога, Который *дает пищу всякой плоти* (Пс. 135, 25). Тот, Кто даровал тебе тело, вдохнул душу, сделал тебя животным разумным и приготовил для тебя все блага прежде, нежели создал тебя, как презрит тебя созданного, если *повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных* (Мф. 5, 45)? Итак, надеясь на Него, проси пищи только на настоящий день, а о завтрашнем предоставь заботу Ему, как и блаженный Давид говорит: *Возложи на Господа заботы твои, и Он поддержит тебя* (Пс. 54, 23).

Научив, таким образом, этими словами высокому любомудрию и зная, что невозможно, чтобы мы, как люди, облеченные смертным телом, не падали, Он научил еще говорить: *И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим* (Мф. 6, 12). Этими словами доставляется три блага вместе: достигших высоты добродетелей Он научает смирennemудрию и увещевает не полагаться на свои подвиги, но бояться, трепетать и помнить о прежних грехах, как поступал и божественный Павел, который после бесчисленных подвигов говорил: *Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый* (1 Тим. 1, 15). Не сказал: «Я был», но – *есть*, выражая, что он непрестанно памятовал о делах своих. Итак, достигшим высоты добродетелей Господь доставляет этими словами безопасность в смирennemудрии, а падшим после благодати Святого Крещения не попускает отчаиваться в своем спасении, но научает их просить у Врача душ врачевства прощения. Кроме того, эти слова научают человеколюбию. Господь хочет, чтобы мы были кротки к виновным, незлопамятны к согрешающим против нас, прощением их приобретали прощение себе и сами предуготовляли себе меру человеколюбия, потому что мы просим столько даровать нам, сколько сами даем ближним, и испрашиваем себе такого же прощения, какое даруем своим должникам.

Сверх того нам заповедано говорить: *И не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого* (Мф. 6, 13). Подлинно, много скорбей причиняется нам от диавола, много и от людей, или явно оскорбляющих, или тайно злоумышляющих. И тело, иногда восставая на душу, наносит тяжкий вред, а иногда, подвергаясь различным болезням, причиняет нам скорби и страдания. Поэтому, так как много различных бедствий нападает на нас со многих сторон, и мы научены испрашивать у Бога всяческих избавлений от них, потому что при Его запрещении прекращается всякое смятение, буря превращается в тишину и пристыженный лукавый удаляется, как некогда, оставив людей, он удалился в свиней, даже не осмелившись сделать и этого без приказания (см.: Мф. 8, 31). А кто не имеет власти даже над свиньями, тот как может овладеть людьми бодрствующими и внимательными, охраняемыми Богом и признающими Его Царем своим?

Поэтому и в конце молитвы Он выразил Царство и силу и славу Божию, сказав: *Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь* (Мф. 6, 13). «Этого, – говорит, – я прошу у Тебя, потому что знаю, что Ты – Царь всего, имеешь вечную державу, можешь сделать все, чего ни захочешь, и обладаешь неотъемлемой славой». За все же это будем благодарить удостоившего нас таких благ, так как Ему подобает всякая слава, честь и держава, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

